К 20-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРАЯ ОТ КОЛЧАКОВЩИНЫ

Трудящиеся Алтая никогда не забудут светлый образ народного героя ПЕТРА СУХОВА

Верный сын партии

Скоро исполняется 20 лет со дня освобождения нашего края от колчаковщины. Тысячи рабочих и крестьян помогали Красной Армии очистить алтайскую землю от иностранных захватчиков и белогвардейских банд Колчака. Многие погибли в борьбе за восстановление на Алтае власти Советов. Погиб геройской смертью кузбасский рабочий Петр Сухов со своим знаменитым красногвардейским отрядом.

Имя Петра Сухова овеяно неувядаемой славой. Петра Сухова у нас заслуженно зовут алтайским Чапаевым. О нем трудящиеся края слагают песни, полные восхищения геройством Сухова и любви к нему. Петр Сухов, как Чапаев, Щорс и Лазо — любимый алтайской молодежью герой. В Вознесенске, Тележихе, Баево, Тюнгуре и других местах, где проходил красногвардейский отряд Петра Сухова, — дети играют в «суховцев», устраивают экскурсии по следам их героического похода.

***

Выходец из рабочей семьи, рабочий-железнодорожник станции Кольчугино (нынешний город Ленинск-Кузнецкий, Новосибирской области) Петр Федорович Сухов был секретарем Кольчугинского Совета, когда летом 1918 года в шахтерском городке стало известно, что в Мариинске и других местах на Сибирской магистрали восстали чехословаки.

Тревожный гудок с шахты № 2 собрал всех кольчугинских красногвардейцев. Перед отрядом выступал Петр Сухов:

— Товарищи, — говорил он, — мы должны покинуть Кольчугино. С минуты на минуту в городе ожидаются войска белых. Они в десятки раз превышают нас численностью, у них пулеметы и полно патронов. Мы пойдем на Барнаул. Там рабочая гвардия крепко дерется с белыми, удерживает в своих руках власть. Кому дорога Советская власть — тот пойдет с нами. Трусы и шкурники могут остаться. Мы или отразим белых, или положим головы за Советскую власть. Итак, товарищи, на Барнаул!

Триста рабочих и работниц об'единились под командованием Сухова, и отряд двинулся на Барнаул, чтобы здесь соединиться с другими красногвардейскими силами. Места, через которые отряду надо было пройти, были уже заняты белогвардейцами, опиравшимися на штыки интервентов. Каждый километр приходилось отвоевывать в боях. Отряд продвигался к Барнаулу. Дорога уже близилась к концу. В это время в Барнауле вспыхнуло белогвардейское восстание, шла стрельба. Когда разведка кольчугинцев донесла о происходящем в городе, Сухов поспешил на помощь барнаульцам. Неожиданно его отряд напал на белогвардейцев и заставил их убраться из города. Барнаул был очищен от белогвардейцев.

Но город продолжал оставаться в опасности. Окруженный со всех сторон белыми, Барнаул мужественно защищался, ожидая подкрепления из других городов Сибири. Там, как оказалось, власть была в руках белогвардейцев. Ждать подкреплений неоткуда было. Между тем, враг все наседал. Намного превосходя отряды Красной Гвардии и по численности и по вооружению, белогвардейцы со всех сторон окружили город. Это было в середине июня 1918 года. Дальше задерживаться в городе было нельзя.

Алтайский губернский ревком отдал приказ эвакуироваться из Барнаула. Сам ревком, во главе которого стояли тогда товарищи Цаплин, Присягин и Казаков, вместе с частями Красной Гвардии решил направиться в сторону Семипалатинска. Но, как выяснилось на станции Алейской, город Семипалатинск был также занят белыми и оттуда по железной дороге воинские части белых двигались по направлению к Барнаулу. Узнав эту печальную весть, часть красногвардейцев со станции Алейской разошлись по деревням. Остальные же, избрав Петра Сухова командующим всеми вооруженными силами Алтайской губернии, решили итти по степи к Омску, на соединение с другими советскими войсками.

Для того, чтобы ускорить ожидаемое соединение, тт. Присягин, Цаплин и Казаков под видом землемеров пробирались одни к Омску. Вблизи деревни Луковки, Каменского уезда, тов. Присягина — известного в губернии первого руководителя большевистской организации — опознал эсер—учитель Филимонов. Вместе с Цаплиным и Казаковым, Присягин по доносу Филимонова был арестован белыми. Вскоре привезенные в Барнаул, они ночью были расстреляны пьяной шайкой офицеров.

Как профессионал-революционер, учившийся в Париже в школе В. И. Ленина и лично знакомый с Лениным, Иван Вонифатьевич Присягин оказал большое влияние на коммунистическое воспитание большевиков - красногвардейцев. По пути на Омск отряд Сухова останавливался в селах, где Сухов и другие большевики вели огромную агитационно-пропагандистскую работу среди трудящихся крестьян, организовывали в селах большевистские ячейки.

Крестьяне любили Сухова и несмотря на провокационные слухи, которые распускались белогвардейцами об отряде, в селах повсюду гостеприимно встречали красногвардейцев, всячески им помогали. И стоило послушать пламенные большевистские речи Сухова, задушевно побеседовать с ним— измученные колчаковскими зверствами трудящиеся крестьяне сами предлагали Сухову свою помощь. В лице суховцев они видели своих будущих освободителей.

Около села Баево красногвардейцы встретились с отрядом белых. Суховцы ударили по ним, белые отступили, потеряв в числе убитых своего командира. Отряд победно продвигался дальше.

Вскоре стало известно, что и Омск — в руках белых. Встал вопрос: куда итти? Решили повернуть в горы Алтая с тем, чтобы через Монголию соединиться с красным Туркестаном. Усталый, утомленный длительными переходами, отряд с боями продвигался вперед к Алтайским горам.

Вооруженные от головы до ног, белогвардейцы преследовали отряд суховцев, преграждали путь, готовя ему ловушку у села Вознесенского, где состоялся вошедший в историю гражданской войны на Алтае знаменитый Вознесенский бой.

У белых был ударный отряд из офицеров. Они мечтали навсегда покончить с неуловимым Суховым. Получилось наоборот. Сухов разработал план наступления. Со стороны Родино, откуда белогвардейцы ждали суховцев, красногвардейцы пустили небольшой отряд. Основные же силы красногвардейцев ударили в тыл. Офицерский отряд был разгромлен. Красногвардейцы взяли много трофеев, в том числе оружия.

Не успели суховцы отдохнуть после горячего боя, как со стороны Родино появился новый отряд белогвардейцев. Завязался второй бой, из которого суховцы снова вышли победителями.

В этих боях Сухов показал себя не только как преданный сын партии Ленина—Сталина, но и как незаурядный полководец.

— Умереть до единого, но не сдаваться, — эти пламенные слова Сухова звали в бой, вселяли уверенность в победе. В боях Сухов всегда был на передовых позициях, мужественно сражался, личным примером воодушевляя красногвардейцев.

После вознесенских боев отряд двинулся дальше к намеченной цели. Казалось, что белогвардейцы оставили Сухова в покое и больше его не преследуют. Но это была ошибка. На самом деле белые собирали силы для расправы с героическим отрядом рабочих — красногвардейцев.

Пробираясь к Катанде, суховцы по дороге не раз встречались лицом к лицу со своими преследователями. Силами белых, шедших по пятам суховцев, командовал полковник Волков. Не раз утомленные горными переходами, усталые и измученные красногвардейцы отбивали атаки врага. Однажды Сухов получил письмо:

— Сдавайтесь, — предлагал полковник Волков. — Выхода для вас нет. Вы окружены превосходными силами правительственных войск. К чему бесполезно лить братскую кровь? Не сдадитесь — будете расстреляны.

Коллективный ответ красногвардейцев, написанный Суховым, гласил:

— Волк вам брат, а не мы. Если можете, разбейте нас. Сдаваться же вам в плен без боя мы не намерены.

В Нижнем Уймоне отряду встретился один из организаторов местного кулачества эсер Казарцев. Случайно он нашел в отряде своего знакомого по Якутской ссылке — предателя-эсера Жебурикина. Эта встреча, очевидно, и послужила причиной излишней доверчивости Казарцеву, который предал красногвардейский отряд и сыграл главную роль в его роковой гибели. Между Катандой, куда Казарцев завел отряд, и Тюнгуром белые совместно с местными кулаками устроили засаду и зверски расправились с героическим красногвардейским отрядом.

Поймав Петра Сухова, белые бесчеловечно издевались над ним, били его. Но ни единого слова, которого усиленно допытывались бандиты, они не услышали из уст героя — красногвардейского командира.

Белые офицеры обещали Сухову помилование, если он примет их предложение и заклеймит позором всех участников своего отряда, в особенности большевиков.

— Я, — гордо ответил им Сухов,— боец революции, а не изменник пролетариата. Жизнь моя в ваших руках, но помните, что скоро настанет и для вас час расплаты.

За дерзкий ответ Сухова снова избили.

Его вели на расстрел — сам он, измученный, не мог даже стоять на ногах. Собрав последние силы, Сухов перед расстрелом разорвал ворот рубахи, обнажил свою грудь и крикнул:

— Вы расстреляли моих товарищей... Расстреляйте и меня, но вам не расстрелять рабочий класс, не уничтожить дело, за которое мы умираем... Час возмездия — недалек!..

Раздался выстрел. Сраженный пулей, Сухов упал, навеки закрыв свои умные глаза. Погиб герой. Но слава о нем сохранилась и она воодушевляла после на борьбу с колчаковщиной новые отряды партизан, создававшиеся по всей территории Алтая.

Гр. РАППОПОРТ.

Петр Федорович Сухов.

ОТРЯД СУХОВА

(Народная песня)

Черным дымом перевита
Вся степная ширь, —
Топчут чехи наше жито,
Жгут огнем Сибирь.

Бьется Сухов с белой сворой,
С ним его семья —
Все забойщики-шахтеры,
Старые друзья.

Барнаул в руках рабочих,
Камень с бою взят,
Гонит белых дни и ночи
Суховский отряд.

Не один уж гад в погоне
От руки лихой
Потерял в траве погоны
Вместе с головой.

Но с широкой омской степи
До Алтайских гор
Враг отряд шахтеров цепью
Обошел кругом.

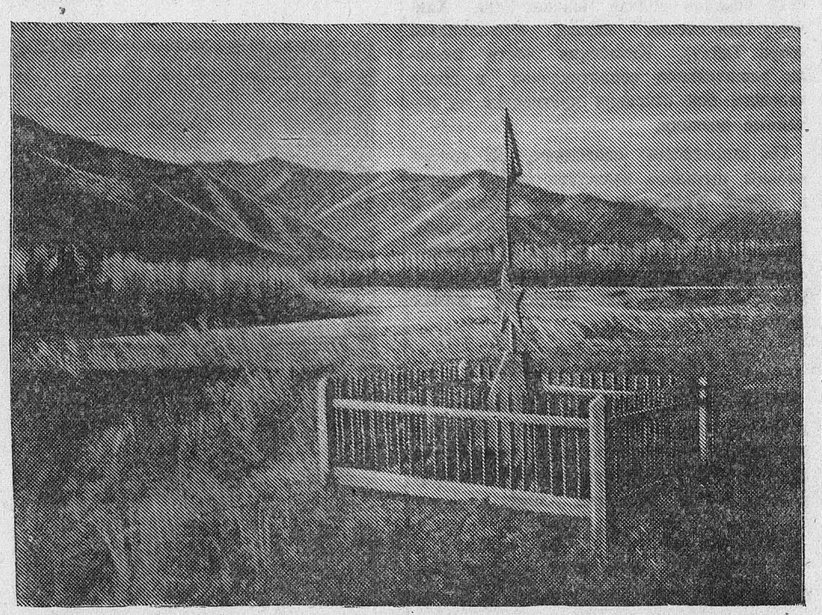
Справа, слева лезут стаи,
Пушки их гремят.
По отряду пролетает
Командир-горняк:

«Пусть бойцы костьми полягут —
Дело не умрет!
Не ступлю назад ни шагу, —
Кто со мной — вперед!»

***

Сокол мой ширококрылый,
Ты летал в горах —
Не встречал ли командира
Сухова Петра?

«За Катунью быстроволной,
Где тайга гудит,
Средь долин боец безмолвный
Спит с свинцом в груди».



Могила **Петра Сухова** на берегу реки Катуни у деревни Тюнгур.
Фото О. Самуцевич.

Рассказ Семена Тощева

Пришел я с германской войны домой на трех ногах. Жена говорит: и то слава богу.

Треножу этак по селу и признаю многих мужчин с фронта. Сядем покурить, начинаем разговор наш, солдатский — про фронт, про то, какая нам жизнь теперь выйдет, какая власть.

Федот Никитич — человек большевистского духа, сосед мой, по фамилии Федоров, все твердит:

— Жить надо хорошо. Жить надо свободно, без утеснителей. Власть должна быть своя — солдат, рабочих, и мужиков, которые живут честным трудолюбием. А кулундинскому богу Ипату, говорит, пора камень на шею и в Кулунду — седого чорта.

У многих такие мысли имелись, и вот собирают сход.

Говорят мне мужики, которые с фронта, и горе познали в своей тяжелой жизни:

— Власть теперь в России Советская. Становись председателем в нашем селе Баево.

Так говорят эти граждане, а которые кулаки, тем неприятно иметь меня председателем, кричат:

— Долой Семку! Ермолай Минеич пускай в председателях ходит. А Ермолай Минеич Коростелев до того старостой был. Мужик богатейший...

Началась жаркая перепалка. Кто за меня, кто за Коростелева. Победила моя фамилия. Стал я первым председателем Советской власти села Баево.

Не поспел я оглядеться как следует на председательском месте, слышу, повсеместно устраняют Советскую власть. Жду, что со мной будет.

Вот доходит до нашего села распоряжение от власти временного правительства — собрать подать за весь период после свержения самодержавия. Тут в нашем селе ропот пошел. Собрали сход.

— Что за власть? — мужики спрашивают. — Откуда взялась такая? Кто ее выбирал?

Сеченов Ипат Васильевич, бывший писарь волостной, давай раз'яснять смутный вопрос. Наша, говорит, эта власть, учредительного собрания, выбранная сибирским народом...

Храбрые люди большевистского духа, кричат ему: «Врешь, старый козел! Никакого собрания не было!»

Подходит к столу Костя Елисеев. Спрашивает вежливо:

— Позвольте спросить, Ипат Васильевич, знакомо ли наше Баево сибирякам и много ли лет нашей волости?

Ипат разгладил бороду и ответил так: «Баево — село старинное, а наша Кулундинская волость знаменита на всю Сибирь».

— И то верно... А кто у нас по волости самый уважаемый человек?

— Хе-хе, — заулыбался Ипат.—А ты как думаешь?

— Думаю, что вы, Ипат Васильевич. Ведь недаром пословица ходит: на небе — бог, на Кулунде — Ипат...

— Хе-хе... Недаром... А ты это к чему речь-то завел?

— А к тому, — продолжал Костя,— что крепко обидели нас. Судите сами — село наше старинное, волость наша знаменитая, да и бог свой есть...

Тут все захохотали, а хитрый парень знает свое ведет.

— А вот на учредиловку небось никого наших мужиков не позвали. Может вы были там у них, Ипат Васильевич?

— Нет... не был... — промычал Ипат.

— Ну, вот, — подхватил Костя, — и нашего крестьянского совета не спросили и вдруг выскочили неведомо откуда, неведомо кто и сразу — здорово живете, мужики, мы ваша власть — платите скорее налоги...

Тут пуще прежнего началась перепалка. Однако кулаки отстояли налог.

Ладно. Живем дальше. Стали к нам наведываться отряды беляков. Приедут, кричат: «Собирай сход!»

«Слушаюсь, — говорю, — сейчас соберу»... А сам скорее до наших большевиков, предупредить, чтобы укрыться успели. Те всегда на-чеку. Слово скажешь — они в камыши.

Один раз приехал к нам отряд беляков, ночью прибегает ко мне солдат, кричит:

— Выходи!

Взял костыль в руки, выхожу. Смотрит он на меня, нагайкой крутит и торопит:

— Сейчас же, в один час, подавай нам сто подвод упряжных, пятьдесят оседланных. Ежели не исполнишь — первая пуля тебе в лоб!

Говорю: «Слушаюсь».

Спешу на сборню. Дежурному сельскому милиционеру предложение делаю еще милиционеров собрать. Четыре их было у нас в селе Баево. Прибегают они. Совещаемся, как быть.

— Вот что, мужики, — говорю им,— оповещайте людей на своих участках и говорите так: «Мужики прячьтесь, лошадей гоните, а придут спрашивать, женщины пусть отвечают: «Ушел за лошадьми. Давно занаряжен был. Скоро будет».

Посмотрели они на меня, как на покойника. Говорят: «Страшное это дело, Семен, однако, так и сделаем».

Пошли мои милиционеры делать заказ по крестьянским дворам, а где у нас сельсовет сейчас, на этом месте богач жил — Махнин. У этого богача и встал на квартиру начальник белого отряда. Прихожу, спрашиваю: «Где начальник отряда? В какой комнате находится?» Отвечают: «Вот в этой комнате, спит».

Подхожу к нему и сумлеваюсь, как мне его будить. Потом громко кричу:

— Начальник отряда здесь?

Он как вскочит и за наган.

— Кто такой? Чего тебе нужно?

— Вы приказали через час подать сто подвод упряжных, пятьдесят оседланных?

— Да, приказал, чтоб все было готово!

— Помилуйте, господин начальник! Этого невозможно сделать!

— Почему?

— У крестьян ни одной лошади не стоит на дворе, все на выпаске ходят. Здесь леса, камыши. Ночь темная...

— Ну, — говорит, — иди собирай народ. Я сам с ним поговорю.

Прихожу к себе на сборню. Занаряжаю десятского. Приходят на сборню старики такие ветхие, что на-ходу спят (мужики-то попрятались). Совсем мало людей собралось. Не более, как человек двадцать. Вот приходит начальник, говорит:

«Здравствуйте»—и давай ораторствовать, давай об'яснять нам, за что они борются, какой жизни добиваются. Я слушаю — поддакиваю, а у самого на сердце кошки скребут — думаю, чем история кончится.

Вот и утро подошло, рассвет начинается, а начальник все еще ораторствует.

Ох, говорун был! Вдруг стрельба по селу ружейная и пулеметные очереди. Оратор бежать со сборни, и люди все моментально убежали. Я тоже спреб костыль. Иду мимо церкви. Бежит по площади солдат в беспорядке — шинель за рукав тащит, в одной руке винтовка.

Пули свистят по Баево.

Прихожу я домой. Семейства моего нет. Дом наш лопасом был — без крыши значит. Залез я на дом, смотрю, что делается. Гляжу, по ту сторону истока белые бегут, а по ним красные стреляют. Мать увидела меня, она с семейством в канаве сидела, кричит:

— Семка, слазь, а то тебя убьют. Вишь, пули как свищут.

А во мне взволновалось сердце, как был я закаленный на войне человек. Взяла меня горькая жалость, что нет у меня ноги, а то бы влился я в отряд к своим и стал бить ненавистных карателей. Так сижу я на крыше, сижу и горюю. А пули свищут по селу.

Разбили в ту пору белых в пух и прах.

Вступил в наше село красный отряд товарища Сухова. И было мне это очень радостно. Товарищ Сухов отозвал меня в сторону, пожал руку и тихонько, чтобы шпионаж не услыхал, сказал:

— Спасибо, товарищ Тощев, за подмогу.

Вскоре нагрянул к нам отряд карателей, под командой капитана Брюшинина. Разбежались беляки по улицам, гонят всех жителей к волостному правлению. Приходят жители — туда заходи, а оттуда выпуска никому нет, у дверей стража, обвешанная гранатами.

Таким манером собрали каратели человек триста и учинили кровавую расправу.

Семьдесят два человека изувечили в тот кровавый день каратели. Мне бы тоже попало, да я укрылся...

Ладно, живем дальше. Вот иду я однажды по улице. На крыльце у бархатовского дома стоят кулацкие главари: Петр Труфанов, Андрей Дергач и Бархатовы — Митрий и жена его Марья. Бархатиха кличет меня:

— Ну-ко, Семен, зайди сюда...

Подошел я и тут узнал, что кулаки наметили двадцать пять человек к расстрелу. Мы их, конечно, предупредили. Только они скрылись, гляжу—скачут каратели. Из всех домов народ выгнали на облаву. Туда-сюда, всю улицу обыскали. Нет никого, кто в списке указан. И так погрозили каратели:

— Сколько не прячьтесь — найдем и смертную казнь сделаем.

Однако уехали из нашего Баево и опять мы остались жить в страхе. Ходят: каждый нос повесил, вроде как бы смерть ожидают. Ох, и было дело!

Но пришла помощь народу от наших большевиков. В нужную минуту вышли они из камышей вооруженным отрядом. Сделали эти люди в наших селах загар партизанской войны. Вооружили они народ баевский, соседних сел и деревень и повели в бой.

По всей Кулунде вспыхнуло зарево и Колчак сгорел. Пропал прахом, будто его и не было.

Ал. ПУГАЧЕВ.

с. Баево.